

Анна Сорока и Соня Миронова

МОЙ ОПЕР

ЗАПОВЕДНЫЙ КОРДОН

Соня Миронова

Мой опер. Заповедный кордон

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой опер. Заповедный кордон / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я привыкла жить одна на заповедном кордоне и знала каждую протоку Медвежьих Озер. Но однажды вместо рыбы вытащила из воды чужой груз — и за мной пришли люди с автоматами. Мой дом горит, связь уничтожена, а незнакомый опер Егор Платов закрывает меня от пуль собой. Теперь у нас одна лодка, глухая тайга и раненое плечо Егора. Он привык командовать. Я привыкла никому не подчиняться. Только без моих знаний озера ему не уйти от погони, а без него мне не пережить эту ночь. В старом зимовье его суровые приказы сменяются такой нежностью, что страшнее выстрелов становится мысль потерять его. Картель не оставит нас в живых. Но я не отдам ни свои озера, ни мужчину, рядом с которым впервые почувствовала себя дома.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Сорока

Мой опер. Заповедный кордон

Мой опер. Заповедный кордон
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Туман над Медвежьими Озерами в конце сентября не похож на обычную речную сырость. Он тяжелый, сизый, пропитанный горьковатым запахом прелого тростника и остывающей гранитной крошки. Вода под днищем моей старенькой рабочей плоскодонки казалась густой, будто чернила: ни единого всплеска, ни птичьего вскрика, только глухой мерный скрип уключин, обмотанных просмоленной ветошью.

Я выгребала к дальнему плесу урочища «Медвежий угол» еще затемно. В садках опытно-производственного участка заповедника подрастала молодежь реликтового озерного гольца — моя диссертация, моя трехлетняя бессонная вахта и память об отце. Потап Лукич Медведев отдал этим глухим протокам сорок лет жизни, и когда сердце его остановилось прошлой зимой прямо на снегоходе посреди торосов, я просто не смогла уехать в городскую лабораторию. Кордон остался на мне: пятьдесят верст водных лабиринтов, вековые лиственницы и звенящая тишина, которую я любила больше любого человеческого жилья.

Утренний холод пробирал сквозь брезентовую штормовку и шерстяной отцовский свитер. Пальцы в прорезиненных перчатках немели, с трудом удерживая багор.

Первый садок покачивался на волне у кромки камышового острова. Я подвела лодку вплотную, перебросила чалку через пенопластовый буй и потянулась к сетному полотну. Но вместо знакомого живого сопротивления рыбы багор с глухим стуком наткнулся на что-то чужое, неподатливое и вязкое.

— Да что за чертовщина... — выдохнула я, перегибаясь через планширь.

К капроновой ячее садка с внешней стороны был притоплен тяжелый продолговатый предмет. Я навалилась на рукоять багра, уперлась сапогами в ребра днища и с усилием потянула его наверх. Из темной глубины с чмоканьем вывалился массивный армейский баул из прорезиненного брезента защитного цвета. Вода ручьями стекала с гладкой ткани. По центру белой нитроокраской через трафарет четко выделялась маркировка: «К-12».

Горловина сумки была стянута стальным тросиком с пломбой, но в углу ткань оказалась прорезана — видимо, зацепилась за острый камень при сбросе. Сквозь щель блеснул толстый полиэтилен. Я подцепила край пальцем: внутри плотными рядами лежали прямоугольные брикеты размером с кирпич. Под прозрачной пленкой виднелся белесый кристаллический порошок, похожий на крупную техническую соль.

Сердце пропустило удар и заколотилось где-то в горле. В нашей тайге не было военных баз, геологических партий или складов удобрений. Но за последние полгода до кордона дважды долетали слухи о черных скоростных катерах без номеров, которые видели по ночам рыбаки из поселка Заречье. Синтетика. Контрабандный транзитный коридор, проложенный через глухие заповедные протоки прямо под носом у районного начальства.

Бросив баул на дно плоскодонки, я рванула пусковой шнур отцовского подвесного моторчика. Старый моторчик затарахтел с надрывом, выбрасывая в ледяной воздух сизый масляный дым. Лодка задрала нос и понеслась сквозь туман обратно к кордону.

* * *

Двухэтажный бревенчатый сруб на лиственничных сваях вынырнул из белого марева внезапно. Кордон «Медвежий угол» стоял на мысу: жилой дом с остекленной верандой, бревенчатая баня, длинный дощатый пирс и крытый лодочный навес, где покачивался мой служебный катер с новеньким мотором «Меркури», выделенным заповедником весной.

Я заглушила мотор, позволяя лодке по инерции ткнуться в причальные кранцы. Тишина вокруг стояла неестественная, мертвая. Даже лайка Буран, обычно встречавшая меня заливыстым лаем с порога дровяника, молчала.

Выскочив на пирс и подхватив тяжеленный баул за лямки, я поволокла его по настилу. И тут же замерла.

На влажных, покрытых утренней росой сосновых досках мостков темнели глубокие, свежие отпечатки рифленых подошв. Армейские берцы тяжелого шага. Не меньше сорок четвертого размера. И вели они от кромки камышей прямо к веранде дома.

Холодная волна страха окатила спину. Я бросила сумку за штабель сухого горбыля, взлетела по ступеням крыльца и ввалилась в дежурку. Дверь была не заперта. На столе валялись разбитые чайные кружки, на полу белели растоптанные журналы учета гидрологических замеров.

Я бросилась к металлическому шкафу с базовой радиостанцией «Лен-В»:

— «Рубеж-четыре», ответьте «Кордону»! — закричала я в тангенту, лихорадочно переключая каналы районной егерской службы и райотдела полиции. — Нападение на кордон! Ответьте!

Из динамика не донеслось даже привычного эфирного шороха — лишь глухой, плотный, вибрирующий гул. Переносной модуль РЭБ. Глушилка работала где-то совсем рядом, накрывая куполом помех всю акваторию мыса. Нас отрезали от внешнего мира наглухо.

— Запасная рация... — прошептала я, чувствуя, как немеют губы.

У запасной рации была отдельная антенна на высокой сосне за сопкой. Я еще надеялась докричаться по ней до егерей. Я выскочила через заднюю дверь во двор, метнулась к щитовой будке — и похолодела.

Антенный кабель свисал с бревенчатого оклада стены. Его перерубили одним ударом тяжелого топора: медные жилы торчали в разные стороны, блестя свежими срезами.

В этот миг туман над протокой с треском разорвал низкий, хищный рык форсированного судового дизеля.

Я метнулась обратно к веранде, упала на четвереньки под окно и выглянула наружу. Из белой пелены прямо к пирсу кордона вылетал серый низкобортный катер. На его носу стояли двое в черном камуфляже и шерстяных балаклавах, закрывавших лица. В руках у переднего — плотного, квадратного мужика в расстегнутом бронежилете — тускло блестел вороненый ствол пулемета РПК.

Голос я узнала прежде, чем разглядела лицо под задранной балаклавой: Игорь Васильевич Штырев по кличке Штырь — бригадир боевиков Руслана Викторовича Кайманова, о котором со страхом шептались в Заречье.

— Эй, биологичка! — заорал он сиплым, пропитым голосом, заглушая плеск волны. — Бросай сумку на мостки, сука, живой уйдешь! Кайман чужое не дарит!

Ответить я не успела. Короткая пулеметная очередь калибра 7.62 с сухим оглушительным хрустом срезала резные сосновые наличники веранды. Оконные стекла с диким звоном брызнули внутрь комнаты. Острая щепка хлестнула меня по щеке, оставляя горячую полосу крови. Воздух мгновенно наполнился едким пороховым чадом.

Путь к пирсу и служебному «Меркури» был отрезан наглухо. Пули выбивали фонтанчики щепок в двух шагах от моих сапог.

Второй наемник перемахнул через леера катера на доски пирса, вскидывая укороченный АКС-74У. Он шел широким охотничьим шагом, держа палец на спуске и целясь прямо в дверной проем сруба, где я лежала на полу, задыхаясь от летящей в рот штукатурки. Ствол дрогнул в мою сторону. Секунда — и очередь прошла бы меня насквозь.

В этот миг из темного зева старого дровяника у забора сухим раскатом ударил хлесткий пистолетный дулет.

Бах! Бах!

Боевик с автоматом дернулся, захлебнулся криком и кулем рухнул на мокрые сосновые плахи, уронив оружие в воду.

Из клубов порохового дыма и серого марева тумана выметнулась высокая фигура. Рослый широкоплечий мужчина в мокрой брезентовой штормовке офицерского кроя и тяжелых армейских берцах двигался с невероятной, пружинистой скоростью хищника. В его правой руке тускло воронел пистолет Макарова.

В три прыжка преодолев расстояние до крыльца, незнакомец с размаху влетел в разбитую дверь веранды, сбил меня с ног, накрыв своим тяжелым, пахнущим оружейным маслом, дождем и табаком телом, и впечатал в пол за массивной печной разделкой.

— Лежать, биолог! — прорычал он мне в самое ухо низким, хриплым, абсолютно спокойным басом. Тяжелая рука в тактической перчатке намертво прижала мою голову к половицам. — Не дергайся. Старший оперуполномоченный УНК старший лейтенант Платов. Полиция.

Я замерла, вжавшись лицом в доски. Его широкая спина закрывала меня от оконных проемов, как монолитный броневой щит. На мужественном, обветренном лице со следами пороховой копоты каменели желваки; колючие серые глаза сквозь прищур контролировали сектора обстрела.

— Там сумка... за горбылем... «К-12»... — выдавила я, задыхаясь под его весом.

— Знаю, — отрезал Платов, не оборачиваясь. — Я за этим грузом трети сутки по протокам хожу. Умница, что не сбросила. А теперь заткнись и дыши носом.

С пирса донесся отборный мат Штыря, и длинная пулеметная очередь вспорола бревенчатую стену дома. Пули пробивали вековые бревна, выбивая комья сухого мха. Следом затрещали стеклянные бутылки, разбивающиеся о бревенчатую обшивку крыльца.

Горький, удушливый запах бензина и солянки ударил в ноздри за секунду до того, как сухое смолистое дерево вспыхнуло с глухим гулом. Пламя взметнулось до самой крыши. Входную дверь мгновенно отрезала сплошная стена ревущего огня. Черный, едкий дым повалил в комнату, застилая глаза едкой пеленой.

— Суки, жечь вздумали, — сквозь зубы процедил Платов.

Он вскочил на одно колено, перехватил пистолет в левую руку, а правой сорвал с разгрузочного жилета ребристый цилиндр дымовой шашки РДГ-2. Рывком выдернул чеку, рукояткой пистолета со всей силы ударил в глухую тыльную фрамугу, выходившую на скотный двор, и выбил подгнившую раму наружу. Густая струя белого плотного дыма с шипением заполнила оконный проем, создавая непроницаемую завесу между домом и сараем.

— Как зовут? — бросил он, поднимая меня за шиворот штормовки.

— Варя!

— За мной, Варя! В сарай через дым! Держись за мой ремень! Не отставать!

Глава 2

Мы вывалились через разбитый оконный проем в ледяную слякоть заднего двора. Жар горящего сруба обжигал спину даже сквозь плотный брезент. Сверху с грохотом рушились горящие стропила веранды, вздымая снопы искр. Боевики вслепую поливали двор свинцом: пули свистели над головой, с чавканьем впиваясь в сырую траву и бревна бани.

Прямой дощатый настил к лодочному сараю уже охватило пламя от упавшего навеса.

— Туда нельзя, сгорим! — крикнула я, перекрывая гул огня.

Платов не стал спорить. Он сбил кованым сапогом горящие жерди забора и толкнул меня вправо, прямо в вязкую, чавкающую жижу мелководья за банным срубом. По пояс в ледяной озерной тине, ломая сухой камыш, мы прорвались к тыльной створке лодочного сарая.

Платов плечом вышиб навесной крюк, и мы ввалились в спасительный полумрак эллинга.

Здесь пахло сыростью, машинным маслом и старыми сетями. Первое, на что упал мой взгляд, заставило сердце сжаться от отчаяния: мой новенький белоснежный катер с мотором «Меркури» был расстрелян прямо через щели внешних ворот. Борта зияли рваными пробоинами, а корма уже безнадежно осела на песчаное дно протоки.

— Катер утопили... — прошептала я, чувствуя, как опускаются руки. — Все, Платов. Мы в ловушке.

— Егор, — коротко поправил он. — И отставить хоронить себя раньше времени.

Его взгляд метнулся по углам и зацепился за дальние дощатые козлы. Там, укрытая старым просмоленным брезентом, чернела отцовская казанка — узкая лодка из легкого дюралюминия с промазанными герметиком швами. А на ее транце тускло блестел облезлой серой краской старый двухтактный подвесник «Ветерок-8».

— Живая? — коротко спросил Платов, срывая брезент.

— Живая... отец на ней до последнего за сорогой ходил, — выдохнула я, бросаясь к носу лодки. — Только бак сухой!

— Сейчас напоим твоего старичка!

Под непрекращающимся свистом пуль, пробивавших жестяную крышу эллинга, Егор сорвал со стены заржавленную двадцатилитровую канистру с отцовской смесью автола и семьдесят шестого бензина. Свернув прикипевшую пробку, он прямо через край, расплескивая топливо на пальцы, залил полный бак «Ветерка».

В этот миг внешние дощатые ворота сарая разлетелись в щепки от длинной автоматной очереди. В проем, поднимая тучи брызг, ворвался третий боевик Каймана с укороченным автоматом. Он передернул затвор, наводя ствол мне прямо в лицо. Я застыла посреди сарая, не в силах даже сделать вдох.

— Сдохни, сука!

Платов среагировал мгновенно. Он не стал стрелять из неудобного положения — он просто шагнул вперед и всем своим телом, широкой спиной и плечами перекрыл меня от дула автомата.

Сухой треск очереди ударил по ушам. Автоматная пуля с визгом срикошетила от чугунной наковальни у верстака и наискось распорол левое плечо Егора. Брезент штормовки брызнул черными клочьями, темная кровь хлестнула на смоленый борт лодки.

Он даже не вскрикнул. Лишь утробно, по-звериному зарычал сквозь стиснутые зубы, качнулся на каблуках, удерживая равновесие, и с одной правой руки хладнокровно, почти не целясь, всадил пулю из Макарова боевику точно под нижний срез тяжелого бронежилета.

Бандит захрипел, выронил автомат и навзничь опрокинулся в воду у мостков.

В ушах стоял оглушающий, вибрирующий звон от близкого выстрела. Мышцы свело судорогой оцепенения, по позвоночнику хлестнула ледяная волна, вышибая дыхание из лег-

ких. Этот незнакомый мужчина, которого я видела меньше десяти минут, не раздумывая шагнул под автоматную очередь, закрыв меня собственным телом. В его темных глазах сквозь пелену боли не было паники — только ледяная, неумолимая ярость профессионала.

— Жива? — выдохнул он, и я увидела, как под бледной кожей его виска бешено бьется жилка.

— Жива... Егор, у тебя плечо!

— Царапина. Толкай лодку на воду! Быстро!

— Баул оставила за горбылем! — вспомнила я.

— Уже здесь, — Платов кивнул на темный угол у тыльной двери. — Когда к тебе пробирался, подхватил.

Мы навалились на борта казанки. Дюралевое днище с визгом соскользнуло с деревянных полозьев прямо в темную воду эллинга. Платов перевалился через фальшборт, закинул на дно трофейный баул «К-12» и здоровой правой рукой дернул шнур стартера «Ветерка».

Мотор чихнул, выбросил облачко дыма и заглох.

Егор рванул еще раз. Снова глухой хлопок — и из карбюратора потекла тонкая струйка бензина.

— Свечу залило, черт бы ее побрал! — прохрипел он, замахиваясь на шнур в третий раз.

— Не трогай, зальешь намертво! — закричала я, отталкивая его сильную руку в сторону. — Пусти!

Пальцы действовали быстрее мысли. Я сорвала из волос стальную шпильку-невидимку, одним движением сдернула жестяной капот мотора, перекрыла подачу топлива и тонким концом шпильки за три секунды прочистила жиклер холостого хода, выдув соринку прямо в ладонь. Защелкнула заслонку, накинула петлю шнура на маховик и дернула всем корпусом, вкладывая в рывок всю свою егерскую память.

Двухтактник взревел звонким, визгливым, спасительным треском.

— Держись! — крикнула я, прыгая на румпель.

Казанка сорвалась с места, задрав нос. В ту же секунду за нашей спиной с оглушительным треском рухнули пылающие перекрытия лодочного сарая. Огненный вал накрыл мостки, взметнув столб пара и шипящих углей. Мы на полном газу вылетели из эллинга и врезались в сплошную зеленую стену двухметрового тростника, растворяясь в спасительном белом молоке утреннего тумана.

Родной кордон «Медвежий угол» за нашей кормой догорал гигантским погребальным костром.

— Буран... — сорвалось у меня.

Я чуть не обернула лодку назад. Егор перехватил мой локоть:

— Сейчас там огонь. Не вернем никого, если сами ляжем.

Буран знал каждую тропу на мысу. Я повторяла это про себя, как молитву: выскочил, должен был выскочить. Только бы не сидел у дровяника, ожидая меня.

* * *

Мы неслись по извилистым протокам уже минут пятнадцать. Осенний озерный туман здесь стоял такой плотный, что вытянутой руки было не разглядеть. Вода хлестала в лицо ледяными брызгами, смывая кровь и копоть.

Платов сидел на дне лодки, привалившись здоровым правым плечом к банке. Левый рукав его штормовки потемнел от плеча до самого манжета, сквозь брезент сочилась густая темная сукровица. Лицо его осунулось, скулы заострились, но глаза оставались ясными и жесткими. Он методично одной рукой перезаряжал пистолет, загоня патроны в запасной магазин о край деревянного сиденья.

— Далеко до открытой воды? — спросил он глухо.

— Десять минут хода по кривунам, — ответила я, не выпуская вибрирующего румпеля.
— Но на Большом плесе мы будем как на ладони. Если у них оптика...

Договорить я не успела.

Сзади, сквозь ровный треск нашего «Ветерка», донесся утробный, тяжелый гул. Этот звук нельзя было спутать ни с чем: мощный спаренный стационарный мотор скоростного катера боевиков. Они шли по нашему кильватерному следу, уверенно и неотвратно настигая легкую казанку.

Через мгновение туман позади нас вспыхнул ослепительным белым светом. Мощный ксеноновый фароискатель прорезал мглу в сорока метрах за кормой. В луче прожектора взметнулись фонтаны пены от тяжелого носа бандитского катера.

— Прижмись к камышу! — крикнул Егор.

Он вскинул пистолет, положив предплечье на транец, и выстрелил трижды подряд. Хлесткие хлопки девятимиллиметровых пуль потонули в реве моторов. Пули со звоном ударили в бронированное лобовое стекло рубки преследователей, оставив лишь белесые паутины сколов, но не пробив защиту.

В ответ с катера ударил пулемет РПК.

Длинная очередь распорол туман свинцовой пилой. Трассирующие пули с визгом прочертили воздух в сантиметрах над моей головой. Стебли тростника вокруг лодки срезало, словно гигантской косой; сухие метелки осыпали мои плечи желтой трухой.

— Ложись, дура! — Егор рванулся ко мне, пытаясь перехватить румпель раненой рукой, но я с силой оттолкнула его ладонь.

— Сиди и держись за борта! — закричала я, чувствуя, как внутри закипает бешеная, злая упрямая ярость. — Ты здесь ничего не знаешь! Ложись на дно, Платов! Я выведу!

Впереди по курсу туман сгустился над гиблой черной заводью. Урочище «Гнилые Пни». Место, куда даже местные браконьеры в светлый полдень заходили только на шестах и с молитвой. Вековой лиственный лес затопило здесь при строительстве плотины тридцать лет назад: под водой на глубине полуметра стояли окаменевшие, острые как пики моренные пни и гранитные зубцы Хвощевой гряды.

Я резко переложила румпель влево, направляя казанку прямо в узкую щель между двумя торчащими из воды корягами.

— Куда ты правишь?! — крикнул Егор, глядя на частокол черных бревен. — Разобьемся!

— Доверься мне! — крикнула я в ответ, сжимая рукоять до хруста в суставах.

Осенний стон воды обнажил скрытые клыки переката. Днище нашей казанки с душераздирающим металлическим визгом скользнуло по осклизлому стволу лиственницы. Лодку подбросило, винт на секунду взвыл в воздухе, обдав нас брызгами, мотор с грохотом подскочил на транце — но легкая дюралевая плоскодонка с осадкой в пятнадцать сантиметров перевалила через преграду и выскользнула на чистую струю суводи.

Судя по яростному, захлебывающемуся взреву форсированных двигателей, Штырев принял наш маневр за слепую панику перед тупиком.

Я оглянулась: в свете прожектора было видно перекошенное азартом лицо пулеметчика в рубке. Взревели на форсаже глушители, поднимая двухметровую волну. Они прибавили ход до сорока узлов, намереваясь попросту растоптать, переехать нашу скорлупку тяжелым стальным форштевнем.

— Прощай, железяка, — прошептала я сквозь зубы.

Катер боевиков влетел в горловину урочища на полном ходу.

Раздался звук, похожий на взрыв фугаса. Тяжелый киль катера на бешеной скорости сокрушительно врубился в гранитный зубец Хвощевой мели. Трехтонную машину подбросило вверх, словно щепку. Дюралевое днище с чудовищным скрежетом распоролось от носа до транца об окаменевшие лиственные сваи. Катер встал на свечу, замер на мгновение в лучах соб-

ственного прожектора и с оглушительным ревом перевернулся в воздухе, рухнув кверху килем в кипящий пенный водоворот.

Волна от падения гиганта докатилась до нашей плоскодонки, качнув ее так, что вода перехлестнула через борт.

Один из наемников, выбравшись на скользкое перевернутое днище тонущего судна, захлебываясь кашлем, вскинул автомат, пытаясь на слух поймать треск нашего «Ветерка».

Платов, преодолевая страшную боль, оперся локтем о планширь, медленно выдохнул и нажал спуск.

Один сухой выстрел.

Белый фонарь, еще светивший сбоку разбитой рубки, разлетелся в пыль. Ослепительный свет погас. Позади нас осталась лишь глухая ледяная вода, треск ломающихся на волне веток и сплошной, непроницаемый мрак.

Погоня захлебнулась. Наша казанка мягко выкатилась на зеркальную гладь туманных плавней. Я не сбавляла хода, пока позади не стихли выстрелы.

Весь день я петляла между островами, обходя открытые плесы. Егор то затихал на дне лодки, то поднимал голову, прислушиваясь к далеким моторам. К зимовью напрямую идти было нельзя — я боялась привести за собой еще один катер.

Глава 3

Сумерки сгустились над озерами быстро и беспощадно.

Температура стремительно падала к нулю. Осенний туман превратился в мелкую ледяную морось, которая оседала на брезенте штормовок колючей ледяной крупой. Ветер стих, и над бесконечными лабиринтами камышовых островов повисла мертвая, звенящая тишина.

И в этой тишине мотор «Ветерок» вдруг захлебнулся.

Он издал сухой, надсадный кашель, выстрелил сизым дымом и замер. Я дернула шнур раз, другой — но маховик крутился вхолостую. Высоковольтная катушка зажигания от непрерывной сырости окончательно пробила на массу. Искра ушла.

Мы замерли посреди свинцовой глади в полусотне метров от глухой стены тростника.

— Приплыли... — выдохнула я, опуская руки.

Тишина навалилась на уши, тяжелая, как могильная плита. Слышно было только прерывистое, свистящее дыхание Платова.

Я повернулась к нему и похолодела. Егор полулежал на днище, привалившись спиной к борту. Лицо его в серых сумерках казалось высеченным из гипса, губы посинели от холода и потери крови, а веки вздрагивали. Вся левая сторона его штормовки задубела от запёкшейся черной корки. Но пальцы его правой руки судорожно сжимали рукоять запасного весла.

— Ничего, Варя... — прохрипел он пересохшими губами, пытаясь приподняться на локте. — Сейчас... к берегу подгребем. Дотянем.

Он попытался завести весло в уключину, но рука предательски дрогнула, весло соскользнуло, и опер глухо застонал, роняя голову на грудь.

В этот момент я опустила взгляд под ноги и почувствовала, как к горлу подкатывает ледяная волна паники. На дне лодки стояла вода.

От страшных ударов о топляки на «Гнилых Пнях» у кормы разошелся старый шов обшивки. Ледяная черная озерная жижа уже покрывала сапоги до щиколоток и медленно, но неумолимо прибывала, заливая брезентовый баул «К-12».

Еще полчаса — и плоскодонка наберет критическую массу и пойдет ко дну на глубине сорока метров.

— Сиди. Не смей двигаться, слышишь? — приказала я голосом, в котором не осталось ни тени страха — только глухая, упрямая ярость за наши жизни.

Я схватила ржавую консервную банку из-под отцовских блесен и принялась яростно, черпак за черпаком, выбрасывать воду за борт. Пальцы сводило судорогой от холода, плечи горели огнем, соленый пот заливал глаза, смешиваясь с дождем. Я втиснула в разошедшийся шов свернутую тряпку из ящика с инструментами. Течь ослабла. Когда уровень воды упал до безопасного, я сорвала с кормы старый оранжевый спасательный жилет, подложила его под голову и плечи Платова, усаживая его поудобнее на сухое днище.

Затем решительно выдернула весло из его ослабевших пальцев, вставила второе в уключину и сама села на среднюю банку.

Уперевшись сапогами в шпангоут, я налегла на весла всем своим весом. Лопасты с тяжелым всплеском вонзились в озерную гладь. Лодка вздрогнула и медленно, тяжело поползла вперед — против течения, на северо-запад, в сторону затерянного среди плавней острова Сосновый Грив.

Грести приходилось вслепую. Стены тростника высотой в два человеческих роста обступали нас со всех сторон. Мышцы спины и рук выкручивало тупой болью, дыхание рвалось со свистом, но я считала гребки, боясь сбиться с ритма: раз, два, вдох, нажать лопатками, вытолкнуть лодку...

В полубреду раневой лихорадки Егор пошевелился. Его горячая, шершавая ладонь медленно поднялась со дна лодки и нащупала мои озябшие, одеревеневшие пальцы на рукояти правого весла. Он сжал их — крепко, с такой отчаянной мужской силой, словно пытался передать мне остаток своей угасающей жизни.

— Держись, Варя... — глухо, прерывисто прошептал он сквозь горячечный жар ранения, и в его хриплом голосе пробились скупая, неподдельная мужская сила. — Не отдам. Слышишь?.. Пока дышу — никто не тронет. Никому не позволю...

Его пальцы на миг сжались на моей озябшей ладони крепче прежнего, согревая ее горячим, тяжелым теплом. В потемневшем взгляде опера сквозь туман лихорадки плеснула глухая, железная решимость бойца, готового стоять до последнего вздоха.

Слезы обожгли мои щеки, но я лишь крепче сжала весло, не позволяя себе ослабеть ни на секунду:

— Слышу, Егор. Живи только. Слышишь меня? Живи!

Впереди путь преградила плотная масса плавучего торфяного острова-сплавнины. Нос плоскодонки с влажным шорохом завяз в переплетении корней осоки и березовой поросли. Лодка встала мертво.

Собрав последние крохи сил, задыхаясь от боли в растертых в кровь ладонях, я перехватила весло, встала во весь рост на носу и с криком уперлась лопастью в подводный гранитный валун. Дерево затрещало, но лодка дрогнула, соскользнула со сплавины и вылетела на глубокую протоку.

И тут же сквозь поредевший туман впереди проступила темная стена векового бора.

Нос плоскодонки с мягким, спасительным хрустом врезался в мелкую гальку косы необитаемого острова Сосновый Грив.

Сквозь могучие стволы корабельных сосен темнел крепкий, вросший в землю лиственничный пятистенки — заброшенное глухое зимовье отца Потапа. Черные слюдяные окна, засыпанная хвоей дранка крыши и покосившееся крыльцо.

Мы выжили. Мы дошли.

Я перевалилась через борт в ледяную воду по колено, втащила нос лодки глубоко на берег и помогла Егору подняться. Опираясь всем весом на мое плечо, волоча отяжелевшие ноги, он сделал первый шаг по замшелым ступеням крыльца.

Остановившись у тяжелой дубовой двери, Платов привалился спиной к бревенчатому косяку, с трудом перевел дыхание и, слабо улыбнувшись запекшимися губами, глухо уронил:

— Оторвались... Теперь мы в домике, биолог.

В сенях пахло застывшей сыростью, мышинным пометом и вековой лиственничной смолой. Темнота стояла плотная, осязаемая, будто войлок.

Егор тяжело навалился на мое плечо. Я чувствовала, как сквозь мокрый брезент его штормовки бьет лихорадочный, сухой жар, а ноги подкашиваются с каждым шагом.

— Погоди, Егор... сейчас, — шептала я, нащупывая впотьмах шершавый косяк внутренней двери. — Держись за меня.

Массивная дубовая дверь в жилую избу намертво разбухла от затяжных осенних дождей и наглухо заклинила в пазах. Внутренний деревянный засов заиск. Платов попытался толкнуть створку здоровым плечом, но от резкого движения лишь глухо застонал сквозь зубы и едва не рухнул на дощатый пол.

— Отойди, — велела я.

Схватив старый тяжелый кованый топор, который отец всегда оставлял у входа в прихожую, я примерилась и коротким, хлестким ударом обуха снизу вверх ударила по стыку плах.

Разбухшее дерево сухо хрустнуло, засов выскочил из гнезда, и дверь с протяжным скрипом распахнулась в стылую, выстуженную глубину зимовья.

Мы ввалились внутрь. Платов сделал два неуверенных шага к печи, намереваясь достать бересту, но силы окончательно оставили его: колени подогнулись, и рослый опер тяжело осел на широкую листовенничную лавку у окна, уронив голову на грудь.

— Сиди. Не вздумай вставать, — я сбросила на пол прорезиненный баул «К-12» и шагнула к печке. — Теперь я командую.

В припечном ларе колотые березовые поленья за долгие месяцы консервации успели отсыреть и покрылись белесым налетом плесени. Первая охотничья спичка, извлеченная из сухой жестяной банки в печной нише, зашипела и погасла, оставив лишь тонкую струйку серного дыма. Береста не схватывалась.

Времени на долгую сушку не было: зубы Егора выбивали мелкую дробь, дыхание становилось поверхностным и частым.

Я метнулась в угол, сорвала со стены отцовскую плетеную корзину из ивового прута, густо просмоленную сосновым варом от мышей, и в три удара ножа искрошила ее на тонкие смолистые лучины. Поднесла спичку — смола мгновенно вспыхнула ярким, коптящим, яростным пламенем. Я подбросила щепы, закрыла дверцу чугунной буржуйки и открыла поддувало. Старая пузатая печь загудела, втягивая воздух, как голодный зверь, и по избе поплыл первый живой, пахнувший смолой жар.

Теперь — рана.

Я сняла с полки армейскую оцинкованную аптечку отца. Надежды было мало: ампулы с новокаином полопались от лютых январских морозов, а резиновый жгут истлел. Фляга на ремне Платова была пуста.

— Чем промывать... — пробормотала я, кусая губы.

Взгляд упал на глухой угол за печью. Там, под ворохом старой пакли, стояла оплетенная лозой четверть темного стекла — отцовский первач двойной перегонки на золотом корне и чаге. Крепкий, обжигающий самогон. Я зубами выдернула сургучную пробку; терпкий, духмяный травяной аромат ударил в ноздри.

Подойдя к Платову, я опустила на колени прямо перед лавкой:

— Надо снять куртку, Егор. Дай руку.

Он попытался пошевелить левой рукой, но лицо его исказила гримаса острой боли. Штормовка на плече задубела, превратившись в черную окровавленную броню, которая намертво присохла к разорванной плоти.

— Режь, — выдохнул он хрипло, не открывая глаз. — Не жалея брезент.

Я достала охотничий нож. Сталь вошла в плотную ткань, как в картон. Сантиметр за сантиметром я вспарывала рукав, обнажая широкое, бугристое от литых мышц плечо. Сердце мое замерло, когда лезвие освободило рану от присохших нитей свитера.

Кровь уже не хлестала, а сочилась густыми темными каплями. На наружной стороне плеча темнела рваная борозда. Насколько я могла увидеть, пуля прошла по касательной; что творилось глубже, я не знала.

— Живой... — вырвался у меня судорожный вздох. Слезы брызнули из глаз, но я быстро смахнула их тыльной стороной запястья. — Дотянем до врача, Егор. Слышишь? Дотянем!

Платов медленно приоткрыл один глаз, посмотрел на меня сквозь запекшиеся ресницы и едва заметно усмехнулся:

— А ты... боялась, биолог. Меня так просто... на дно непустишь.

— Сейчас будет больно. Терпи.

Я смочила марлю и осторожно очистила кожу вокруг раны. Прилипшие края ткани пришлось отделять понемногу; каждый раз, когда он вздрагивал, у меня замирало сердце.

Егор вздрогнул всем своим мощным телом. Здоровая правая рука метнулась к краю неотесанной дубовой столешницы; пальцы до белизны костяшек впились в дерево с такой силой, что сухожилия натянулись стальными канатами. Желваки на его скулах окаменели, венка на виске вздулась багровым шнуром, но из сомкнутых губ не вырвалось даже стоны. Он лишь шумно, со свистом втянул носом воздух и выдохнул мне в самую макушку:

— У тебя пальцы... добрые, Варя. Не бойся... Я выдюжу.

Я закрыла рану чистой повязкой из уцелевшего пакета аптечки. Из сундука достала белое льняное полотно, пахнущее сухой лавандой, и сделала перевязь, чтобы Егор мог придерживать руку у груди.

К этому моменту чугунная буржуйка раскалилась до вишневого свечения. Стены старого листовенничного сруба ожили: по углам зашевелились теплые тени, запах прелой хвои сменился сухим, сладковатым ароматом нагретого дерева.

Платов откинулся затылком на бревенчатую стену. Дыхание его выровнялось, стало глубоким и мерным. Я натянула на него старый овчинный тулуп, подоткнув края под бока. Он уже не слышал: тяжелый, целебный сон бойца накрыл его без остатка.

Я присела на корточки у печной дверцы, глядя на ровные малиновые угли, и впервые за эти сутки позволила себе просто выдохнуть. Мы были живы.

Глава 4

Я проснулась от глухого, размеренного металлического перестука.

Сквозь маленькое слюдяное оконце пробивался белесый утренний свет. За стеклом шумел мелкий, монотонный осенний дождь, сбивая с прибрежных берез последние золотые листья. В избе было жарко натоплено, в воздухе стоял густой, уютный запах сухого березового дыма, а на натянутой под потолком пеньковой веревке покачивалась наша высохшая одежда.

Я рывком села на нарах, испуганно озираясь.

У открытой двери стоял Егор. Без штормовки, в одной темно-зеленой нательной тельняшке, подчеркивавшей мощный размах плеч и узкие бедра. Левая рука была аккуратно подвязана косынкой к груди, но в правой руке он легко держал полное оцинкованное ведро, с которого капала прозрачная, как слеза, колодезная вода.

— Ты с ума сошел? — вскрикнула я, соскакивая на дощатый пол босыми ногами. — У тебя ранение, тебя всю ночь лихорадило! Куда ты потащился?!

Платов аккуратно поставил ведро на лавку у порога, повернулся ко мне и спокойно, с легкой теплой усмешкой в уголках серых глаз оглядел меня с головы до ног:

— Доброе утро, биолог. Нормально все с моим плечом. Твоя повязка держит мертво. А вода нам нужна — не из лужи же чай кипятить.

Он выглядел осунувшимся, под глазами залегли темные тени, но походка была твердой, а движения — скупыми и выверенными. Это был человек, привыкший подчинять свое тело железной воле.

— Ложись немедленно, — строго потребовала я, подходя ближе. — Я сама все сделаю.

— Успеешь накомандоваться, — мягко парировал он, уступая мне дорогу к столу. — Давай сначала поглядим, что отец твой в закромах припрятал. Желудок со вчерашнего утра к позвоночнику присох.

Мы открыли люк в подпол. Там, во влажной прохладе земляных стен, картина оказалась безрадостной: холщовый мешок с пшеном был насквозь изгрызен лесными полевками, оставившими лишь шелуху. Зато в берестяном туесе обнаружилось полпуда чистой крупной серой соли, а под потолком на жерди висела нетронутая связка сушеных белых грибов — пахучих, твердых, как дерево.

— Каши не сваришь, — вздохнула я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.